

Слух распространялся по городу со скоростью пожара (которые распространялись по Анк-Морпорку достаточно часто — с тех самых пор, как горожане узнали значение слова «страховка»).

Гномы умеют превращать свинец в золото...

Этот слух всколыхнул ядовитые покровы, нависающие над Кварталом Алхимиков. Превращать свинец в золото... Вот уже много веков алхимики бились над решением этой проблемы и были совершенно уверены в том, что удача ждет их не сегодня завтра. По крайней мере, в следующий вторник. К концу месяца — определенно.

Этот слух вызвал пересуды среди волшебников Незримого Университета. Превратить один элемент в другой? Легче легкого, при условии, что ты не будешь возражать, если на следующий день он превратится обратно,— ну и какая от этого польза? Кроме того, большинство элементов вполне довольны своей жизнью и не хотят ничего менять.

Этот слух не замедлил просочиться в покрытые рубцами, опухшие, а иногда и полностью отсутству-

ющие уши Гильдии Воров, которая, впрочем, отреагировала достаточно равнодушно. Здесь больше привыкли полагаться на надежный ломик, ну а золото... Какая разница, откуда оно берется?

Гномы умеют превращать свинец в золото...

Этот слух, конечно же, достиг холодных, но поразительно чутких ушей патриция, причем достиг их очень быстро: правитель такого города, как Анк-Морпорк, просто обязан узнавать все новости первым, иначе во власти он не засидится. Вздохнув, патриций сделал соответствующую пометку и добавил листок в большую стопку похожих бумажек.

Гномы умеют превращать свинец в золото...

Наконец слух добрался и до остроконечных ушей самих гномов.

— Что, правда умеем?

— Откуда мне-то знать? Лично я — нет.

— Ну да, а если б умел, то сказал бы? Вот я б не сказал.

— А ты что, умеешь?

— Нет!

— *Ага!*

Этот слух не миновал и стражников, заступивших промозглым вечером на охрану городских ворот. Дежурство на анк-морпоркских воротах никогда не было особо утомительным занятием. Есть ворота, есть желающие проехать; ты машешь рукой, желающие едут — вот по большей части и все обязательно. Ну а в столь темную, холодную, буквально леденящую ночь движение было совсем минимальным.

Стражники, сгорбившись, прятались под аркой ворот и по очереди затягивались мокрой самокруткой.

— Нельзя превратить что-то одно во что-то совсем другое,— заявил капрал Шноббс.— Алхимики уже много лет пытаются это сделать.

— Пока что они освоили только один тип превращения: берешь дом, получаешь глубокую яму,— сказал сержант Колон.

— Вот и я о том же,— закивал капрал Шноббс.— Это попросту невозможно. Тут всё на эти, на элементы завязано. Один алхимик мне рассказывал. Все состоит из элементов, правильно? Из земли, воды, воздуха, огня и... еще чего-то там. Широкоизвестный факт. Главное — правильно смешать, но не взбалтывать.

Шноббс потопал ногами, которые потихоньку начинали отмерзать.

— Если б можно было превращать свинец в золото, все бы только этим и занимались,— добавил он.

— Волшебники это умеют,— напомнил сержант Колон.

— Ага, ну да, *волшебники*...— презрительно отмахнулся Шноббс.

Огромная повозка с грохотом вылетела из желтоватых клубов тумана и промчалась через арку, щедро окатив Колону грязью из фирменной анк-морпоркской рытвины.

— Клятые гномы,— выругался Колон вслед удаляющейся повозке.

Правда, на всякий случай не слишком громко.

— Никогда не видел, чтобы столько гномов толкало одну повозку...— задумчиво произнес капрал Шноббс.

Повозка, накренившись, завернула за угол и скрылась из виду.

— Наверное, доверху набита золотом,— сказал Колон.

— Ха. Конечно. Чем же еще?

А потом слух достиг ушей Вильяма де Словва, где в некотором роде и закончился его путь, поскольку слух был аккуратно зафиксирован и перенесен на бумагу.

В этом и состояла работа Вильяма де Словва. Леди Марголотта Убервальдская платила ему за это пять долларов в месяц. Вдовствующая герцогиня Щеботанская также пользовалась его услугами — за ту же плату. Такую же сумму присылали король Ланкра Веренс и еще несколько аристократов с Овцепикских гор. Платил и сериф Аль-Хали, правда в данном случае плата составляла полтелеги фиг дважды в год.

В целом Вильяма такое положение дел вполне устраивало. Всего и делов-то: аккуратно написать одно письмо, перенести его (разумеется, в зеркальном виде) на кусок самшита, любезно предоставленный господином Резником, гравером с улицы Искусных Умельцев, а потом заплатить господину Резнику, дабы тот убрал те части дерева, которые не являются буквами, и сделал необходимое число оттисков на бумаге.

Разумеется, без внимательности тут никуда. К примеру, обязательно нужно было оставить пробел после вступительной фразы «Моему знатному клиенту...», который предстояло заполнить позднее, но даже после вычета всех расходов Вильям зарабатывал около тридцати долларов в месяц. Тогда как работа занимала всего-навсего один день.

Тридцать-сорок долларов в месяц — достаточная сумма для жизни в Анк-Морпорке, и не отягощенный излишними обязательствами молодой человек вполне мог на нее прожить. Фиги Вильям всегда продавал. Конечно, на фиги тоже можно было прожить, но это была, прямо скажем, фиговая жизнь.

Кроме того, имелись и побочные заработки. Для большинства жителей Анк-Морпорка мир букв был закрытой кни... загадочным бумажным объектом, поэтому обычный горожанин, если все ж у него возникала нужда верить что-либо бумаге, предпочитал воспользоваться скрипучей лестницей рядом с вывеской: «Вильям де Словв. Все По Писаному».

Взять, например, гномов. Любой гном, заявившийся в Анк-Морпорк в поисках работы, первым делом должен был отослать домой письмо, в котором бы рассказывалось о том, как здорово все сложилось. Такое письмо писал каждый гном без исключения, в том числе и тот, у которого все настолько не сложилось, что ему, гному, от безысходности пришлось сожрать собственный шлем. Вильям даже заказал господину Резнику несколько дюжин стандартных форм — в этих шаблонах достаточно было заполнить лишь несколько пробелов, чтобы получилось письмо домой на любой вкус и цвет.

А любящие гномородители далеко в горах хранили эти письма как сокровища. Почти все эти «сокровища» выглядели примерно так:

«Дарагие [Мам и Пап]!

Доехал харашо подселился, по адресу [Анк-Мрпк Тени Заводильная 109]. У миня порядок полный. Подыскал клевую работенку у [господина С.-Р.-Б.-Н. Достабля, честного предпринимателя] и оченно скоро буду окалачивать кучу денег. Все ваши попутствия помню в трактиры, ни ногой со всякими троллями не икшаюсь. Ну вот и все пара, убежать, целую скучаю по вам и [Эрмилии], ваш любящий сын

[Томас Хмурбровь]»

...Который, надиктовывая письмо, как правило слегка пошатывался. Однако двадцать пенсов есть двадцать пенсов, а в качестве дополнительной услуги Вильям подгонял орфографию под клиента и позволял тому самостоятельно расставить знаки препинания.

В тот вечер шел мокрый снег. Он таял на крыше и с журчанием стекал по водосточным трубам рядом с окнами. Вильям сидел в своей крошечной конторке над Гильдией Заклинателей и выводил аккуратненькие букочки, вполуха слушая, как в комнате этажом ниже начинающие заклинатели мучаются на вечернем занятии.

— ...Внимательнее. Готовы? Хорошо. Яйцо. Стакан.

— *Яйцо. Стакан,* — без всякого интереса пробубнил класс.

- ...Стакан. Яйцо...
- *Стакан. Яйцо...*
- ...Волшебное слово...
- *Волшебное слово...*
- Фазам-м-м. Ничего сложного. А-ха-ха-ха-ха...
- *Фаз-ам-м-м. Ничего сложного. А-ха-ха-ха-ха...*

Вильям придвинул очередной лист бумаги, заточил свежее перо, посмотрел на стену и принялся писать дальше:

«И наконец, о Забавном. Ходят слухи, будто бы обучились Гномы Свинец в Золото Обращать. Откуда таковая сплетня возникла, никому не ведомо, но в последнее время Гномы, идущие по своим законопослушническим делам, частенько слышат на Городских Улицах оклики типа: “Эй, шибздик, а ну-ка, сотвори мне Золотишка!” Разумеется, так неразумно ведут себя только всякие Вновь Прибывшие, ибо местные обитатели прекрасно знают: назвать гнома шибздиком = верная смерть.

Вш. пкрн. слуга Вильям де Словв».

Вильяму нравилось заканчивать свои донесения на радостной ноте.

Затем он достал самшитовую доску, зажег еще одну свечу и положил письмо на доску чернилами вниз. Быстрые движения ложкой перенесли чернила на деревянную поверхность, и... тридцать долларов плюс полтелеги фиг, способных обеспечить офигенное расстройство желудка, считай, уже в кармане.

Чуть позже он занесет доску господину Резнику, завтра после неспешного обеда заберет копии, и к

середине недели, если все сложится благополучно, письма будут разосланы адресатам.

Вильям надел пальто, аккуратно завернул самшитовую доску в вощеную бумагу и вышел в промозглую ночь.

Мир состоит из четырех элементов: земли, воздуха, огня и воды. Этот факт хорошо известен даже капралу Шноббсу. Вот только он не соответствует действительности. Есть еще и пятый элемент, так называемый Элемент Неожиданности.

Гномы действительно научились превращать свинец в золото, но весьма непростым способом. Непростой способ отличался от простого лишь тем, что обеспечивал успешный результат.

Гномы, напряженно всматриваясь в туман, толкали свою перегруженную повозку по улицам. Повозка потихоньку обрастала льдом, с бород гномов уже свисали сосульки.

Достаточно было всего-навсего одной замерзшей лужи.

Старая добрая Госпожа Удача. На нее всегда можно положиться.

Туман становился все гуще, делал тусклым свет, заглушал любые звуки. Как рассудили сержант Колон и капрал Шноббс, сегодня ночью Анк-Морпорку вторжение не грозило. Кровожадные орды варваров не включили его в свой выездной план на нынешнюю ночь. И стражники ни в коем случае не осуждали их за это.

Наконец настало время закрывать ворота. На самом деле это действие значило куда меньше, чем могло показаться, ведь ключи от города были давным-давно потеряны, а опоздавшие, как правило, бросали камешки в окна построенных на стене домов, пока не находился добрый человек, готовый отодвинуть засов. Предполагалось, что чужеземные захватчики не знают, в какое именно окно следует бросить камешек.

Затем стражники, шлепая по талому снегу и грязи, направились к Шлюзовым воротам, через которые река Анк на свой страх и риск попадала в город. Вода была не видна в темноте, лишь иногда чуть ниже парапета проплывала призрачная тень льдины.

— Погоди,— сказал Шнобби, когда они схватились за рукоять опускавшей решетку лебедки.— Там кто-то есть.

— В реке? — не понял Колон.

Он прислушался: где-то внизу раздавался скрип весел в уключинах.

Сержант приставил сложенные ладони к губам и издал универсальный оклик всех стражников:

— Эй, ты!

Несколько мгновений не было слышно ничего, кроме свиста ветра и плеска воды. Потом до стражников донесся голос:

— Да?

— Ты решил вторгнуться в город или что?

Снова возникла пауза.

— Что?

— Что «что»? — осведомился Колон, поднимая ставки.

— Что за другие варианты?

— Ну, ты, в лодке, ты меня не путай... Ты *вторгаешься* в этот *город* или как?

— Нет.

— Ну и ладно,— сказал Колон, который в такую ночь готов был поверить любому на слово.— Тогда проваливай, да побыстрее: мы вот-вот опустим решетку.

После некоторых раздумий плеск весел возобновился и начал удаляться вниз по течению.

— Думаешь, было достаточно просто спросить? — поинтересовался Шнобби.

— А кому об этом знать, как не им? — пожал плечами Колон.

— Да, но...

— Это была крошечная лодчонка, Шнобби. Нет, конечно, если ты хочешь совершить приятную прогулку по обледеневшим ступеням вниз к причалу...

— Не хочу, сержант.

— Тогда давай возвращаться в штаб-квартиру.

Вильям, подняв воротник, спешил к граверу Резнику. На обычно оживленных улицах почти никого не было. Только неотложные дела способны выгнать людей из домов в такую погоду. Зима обещала быть действительно скверной, похожей на холодный овощной суп из промозглого тумана, снега и забористого анк-морпоркского смога.

Взгляд Вильяма вдруг привлекло небольшое освещенное пятно рядом со зданием Гильдии Часовщиков. В центре пятна сидела какая-то сгорбленная фигура.

Он подошел ближе.

— Горячие сосиски? В тесте? — произнес лишенный всякой надежды голос.

— Господин Достабль? — удивился Вильям.

Себя-Режу-Без-Ножа Достабль, самый предприимчиво неудачливый бизнесмен в Анк-Морпорке, посмотрел на Вильяма поверх лотка для жарки сосисок. Снежинки с шипением падали на застывающий жир.

Вильям вздохнул.

— А ты сегодня припозднился, господин Достабль,— заметил он вежливо.

— Ах, господин де Словв... Торговля горячими сосисками переживает кризис,— пожаловался Достабль.

— Да уж, судя по всему, не сосиской единой мертв человек,— хмыкнул Вильям. Он не смог бы удержать даже за сто долларов и полное судно фиг.

— Определенно. На рынке легких и тяжелых закусок нынче спад,— откликнулся Достабль, слишком погруженный в свои мрачные думы, чтобы заметить издевку.— Такое впечатление, люди вообще перестали есть сосиски в тесте.

Вильям опустил взгляд на лоток. Если Себя-Режу-Без-Ножа Достабль торговал сосисками, это было верным признаком того, что одно из его амбициозных предприятий снова потерпело крах. Торговля сосисками вразнос была нормальным состоянием в жизни Достабля, из которого он постоянно пытался выбраться и в которое неминуемо скатывался, когда очередное рискованное начинание заканчивалось не-

удачей. И слава богам, ведь Достабль был исключительно хорошим продавцом горячих сосисок. Учитывая то, из чего делались его сосиски.

— Жаль, я не получил хорошего образования, как ты,— подавленно произнес Достабль.— Приятная работа в помещении, тяжести таскать не надо. Будь у меня образование, я бы точно нашел свою ницшу.

— Ницшу?

— Один волшебник рассказывал мне о них,— объяснил Достабль.— У каждого есть своя ницша, понимаешь? Место, где он должен находиться. Для чего он предназначен.

Вильям кивнул. Он знал много слов.

— То есть ниша?

— Во-во, она самая.— Достабль вздохнул.— Я прозевал свой шанс с семафором. Не понял вовремя, что надвигается. А потом — раз! Даже не успел оглянуться, как все вокруг стали владельцами клик-компаний. Большие деньги. А я рылом для такого не вышел. Но вот фенсуй... тогда у меня все карты на руках были. Просто не повезло.

— Я определенно почувствовал себя лучше, когда поставил стул в другое место,— сказал Вильям.

Совет стоил ему два доллара и включал в себя предписание держать крышку туалета закрытой, дабы Дракон Несчастья не проник в его организм через задний проход.

— Ты был моим первым клиентом, и я благодарен тебе за это,— продолжал Достабль.— У меня все было на мази, я заказал ветряные колокольчики Достабля и зеркала Достабля, оставалось только деньги

загребать, ну, то есть все было создано для обеспечения максимальной гармонии, а потом... бац! Меня снова накрыло кармой.

— Это случилось ровно за неделю до того, как господин Проходи-проходи наконец оклемался,— кивнул Вильям.

Дело второго клиента Достабля оказалось весьма полезным для его новостных писем и с лихвой возместило два доллара.

— Откуда я мог знать, что Дракон Несчастья действительно существует? — попытался оправдаться Достабль.

— Изначально он и не существовал, но потом ты убедил его в этом,— сказал Вильям.

Достабль немного повеселел.

— Да уж, что ни говори, а идеи я всегда умел продавать. Вот, допустим... Сосиска в тесте — это то, в чем ты сейчас больше всего на свете нуждаешься. Убедительно?

— Честно говоря, я должен спешить к... — Вильям вдруг замолчал.— Ты ничего не слышал?

— А еще у меня где-то есть пирожки с холодной свиной,— продолжал Достабль, копаясь в лотке.— И я могу предложить их тебе по *убедительно* низкой цене...

— Я точно что-то слышал,— сказал Вильям.

Достабль наострил уши.

— Нечто похожее на грохот? — спросил он.

— Да.

Они стали пристально всматриваться в затянувшиеся Брод-авеню облака тумана.

Из которых весьма внезапно вынырнула огромная, закрытая брезентом повозка, надвигавшаяся неотвратно и очень-очень быстро...

— Станок! Держите станок!

Это были последние слова, услышанные Вильямом, перед тем как нечто вылетело из ночной тьмы и врезало ему промеж глаз.

Слух, пришипленный пером Вильяма к бумаге, точно бабочка к пробке, так и не добрался до ушей некоторых людей. А все потому, что головы этих людей были заняты иными, более темными мыслями.

Лодка с шипением взрезала речную гладь. Воды Анка неторопливо расступались перед ней и медленно смыкались за кормой.

Двое мужчин налегали на весла. Третий сидел на носу лодки. Периодически он что-то говорил. Например:

— У меня нос чешется.

— Придется потерпеть, пока на место не прибудем,— откликнулся один из гребцов.

— Вы не могли бы развязать мне руки? Он действительно чешется.

— Мы развязывали тебя, когда останавливались поужинать.

— Тогда он не чесался.

— А может, ять, еще раз треснуть его по голове, ять, веслом? А, господин Кноп?

— Неплохая мысль, господин Тюльпан.

В темноте прозвучало глухое «бум!».

— Ай.

— Лучше не шуми, приятель, а то господин Тюльпан совсем разозлится.

— Вот именно, ять.

После чего послышался шум, как будто вдруг заработал промышленный насос.

— Слушай, ты, это, особо не налегай!

— Я ж, ять, всю жизнь налегаю и жив-живехонек, господин Кноп.

Лодка медленно остановилась у небольшого, редко используемого причала. Высокого человека, который совсем недавно был центром внимания господина Кнопа, сгрузили на берег и потащили в переулок.

Через мгновение раздался грохот колес удаляющейся в ночь кареты.

Трудно было даже представить, что в такую мерзкую ночь найдется хоть кто-нибудь, кто станет свидетелем происшедшего.

Но свидетели были. Вселенная требует наблюдения буквально за всем, иначе она тут же перестанет существовать.

Из темноты в переулок, шаркая ногами, вышла высокая фигура. Рядом с ней ковыляла фигура значительно меньших размеров.

Обе фигуры проводили взглядами исчезающую за снеговой завесой карету.

— Так, так, так,— произнесла та фигура, что поменьше.— Любопытственно. Человек связан и с мешком на голове. Очень любопытственно, а?

Высокая фигура кивнула. Она была одета в огромную серую накидку, которая была велика на несколько размеров, и фетровую шляпу, которая под воздействием времени и погоды превратилась в мягкий, облегающий голову владельца конус.

— Раздребань на все,— сказала высокая фигура.— Солома и штаны, туды его в качель. А я ведь ему говорил, говорил. Десница тысячелетия и моллюск. Разрази их гром.

Немного помолчав, фигура сунула руку в карман, достала сосиску и разделила ее на две части. Одна половина исчезла под шляпой, а вторая была брошена маленькой фигурке, той, что говорила за двоих, ну, или, по крайней мере, отвечала за связную часть разговора.

— Как-то это все плохо пахнет,— заявила та фигура, что поменьше и у которой было четыре ноги.

Сосиска была съедена в тишине. Потом странная парочка продолжила свой путь в ночь.

Как голубь не может ходить, не кивая головой, так высокая фигура, казалось, не могла двигаться без непрерывного негромкого бормотания:

— Я ведь им *говорил, говорил*. Десница тысячелетия и моллюск. Я сказал, сказал, сказал. О нет. А они как дадут деру. А я им *говорил*. В туда их. Пороги. Я сказал, сказал, сказал. Зубы. Как зовут этот век. Я сказал, говорил им, не виноват же, собственно говоря, собственно говоря, само собой разумеется...

Вышеупомянутый слух добрался до ушей фигуры чуть позже, но к тому времени фигура и сама стала частью слуха.

Что же касается господина Кнопа и господина Тюльпана, о них в данный момент следует знать лишь одно: когда подобные люди называют вас «приятелем», это вовсе не значит, что они испытывают к вам дружеские чувства.

Вильям открыл глаза. «Похоже, я ослеп», — подумал он.

Потом он откинул одеяло.

А потом пришла боль.

Она была резкой и настойчивой, сконцентрированной непосредственно над глазами. Вильям осторожно поднял руку и нащупал какую-то ссадину и нечто вроде вмятины на коже, если не на кости.

Он сел и увидел, что находится в комнате с наклонным потолком. В нижней части маленького окошка скопилось немного грязного снега. Помимо постели, которая состояла лишь из матраса и одеяла, никакой мебели в комнате не было.

Глухой удар потряс здание. С потолка посыпалась пыль. Вильям встал, схватился за лоб и, пошатываясь, побрел к двери. Она привела его в несколько большее помещение, а точнее, в мастерскую.

От следующего удара щелкнули зубы.

Вильям попытался сфокусировать взгляд.

В комнате было полно гномов, которые работали за двумя длинными верстаками. А в дальнем конце комнаты гномы толпились вокруг какого-то сооружения, напоминающего замысловатый ткацкий станок.

Снова раздался глухой удар.

Вильям потер лоб.

— Что происходит? — спросил он.

Стоявший ближе к нему гном поднял голову и толкнул локтем в ребра своего соседа. Толчок быстро распространился по гномьим рядам, и вдруг комната от стены до стены погрузилась в настороженную

тишину. Несколько дюжин гномов с серьезными лицами уставились на Вильяма.

Никто не умеет смотреть пристальнее, чем гном. Возможно, это объясняется тем, что между положенным по уставу круглым железным шлемом и бородой виднеется лишь очень маленькая часть лица. Лица у гномов всегда очень *сосредоточенные*.

— Гм,— сказал Вильям.— Привет?

Первым вышел из оцепенения гном, стоявший возле станка.

— Приступайте к работе, ребята,— велел он, подошел к Вильяму и уставился ему в промежность.— С тобой все в порядке, ваша светлость?

Вильям поморщился.

— А что, собственно, произошло? Помню повозку, потом что-то вдруг ударило...

— Она от нас укатилась,— пояснил гном.— И груз соскользнул. Прошу прощения.

— А что с господином Достаблем?

Гном наклонил голову.

— С тощим типом, торговавшим сосисками?

— С ним. Он не пострадал?

— Вряд ли,— осторожно ответил гном.— Он даже умудрился продать молодому Громобою сосиску в тесте. Это факт.

Вильям на секунду задумался. В Анк-Морпорке излишне доверчивых новичков поджидало множество ловушек.

— Ну хорошо, а с господином Громобоем все в порядке?

— Вероятно. Некоторое время назад он прокричал в щель под дверь, что чувствует себя гораздо

лучше, но предпочитает оставаться там, где он есть. По крайней мере еще пару часов.

Гном наклонился и достал из-под верстака нечто прямоугольное, завернутое в грязную бумагу.

— По-моему, это твое.

Вильям развернул свою доску. Она была расколота ровно по центру, где по ней прокатилось колесо повозки. Все строчки были смазаны. Вильям тяжело вздохнул.

— Прости за любопытство,— сказал гном,— но что это за штука?

— Эта доска предназначалась для изготовления гравюры,— рассеянно ответил Вильям, сам не понимая, как разъяснить понятие гравюры гному, который совсем недавно приехал в город.— Ну, для гравюры,— повторил он.— Это... такой почти волшебный способ размножить написанное. Извини, но мне пора идти. Теперь придется делать другую доску.

Гном странно глянул него, взял доску и принялся вертеть в руках.

— Понимаешь,— продолжил Вильям,— гравер вырезает кусочки дерева...

— А оригинал у тебя остался? — перебил его гном.

— Прошу прощения?

— Оригинал,— терпеливо повторил гном.

— Да, конечно.

Вильям достал письмо из-за пазухи.

— Можно посмотреть?

— Да, только верни, ведь мне еще...

Некоторое время гном рассматривал письмо, потом повернулся и ударил рукой по шлему своего соседа. По комнате прокатился громкий звон.

— Десять пунктов на три,— сказал гном, передавая письмо товарищу.

Ударенный гном кивнул и начал что-то быстро выбирать из маленьких коробочек.

— Мне б домой, ведь...— начал было Вильям.

— Много времени это не займет,— заверил главный гном.— Иди сюда. Тебе как человеку букв это может показаться весьма любопытным.

Вильям двинулся за ним вдоль гномов к непрерывно клацающему станку.

— О, так это же гравюрная машина,— неуверенно произнес он.

— Только не совсем обычная,— сказал гном.— Мы ее немного... изменили.

Он взял лист бумаги из лежащей рядом с машинной пачки и передал его Вильяму.

«ГУНИЛЛА ХОРОШАГОРА И К^О»

Зело просят

Предоставить работу для ихней новой

СЛОВОПЕЧАТНИ

В коей пользуется метод производства
множественных отпечатков

Досиле никем не видимый.

Разумные Расценки

Под Вывеской «Ведро», Тусклая улица,
Рядом с ул. Паточной Шахты, Анк-Морпорк

— Ну, что скажешь? — застенчиво спросил гном.

— Ты — Гунилла Хорошагора?

— Да. Так что скажешь?

— Ну... Буквы красивые и расположены ровно,— похвалил Вильям.— Но ничего нового я не вижу. Только вот слово «доселе» у вас с ошибкой написано. Оно пишется через «е». Неплохо бы исправить, если, конечно, ты не хочешь, чтобы над вами смеялись.

— Правда? — спросил Хорошагора и пихнул локтем одного из своих коллег: — Кеслонг, передай мне строчную «е» девяносто шесть пунктов... Большое спасибо.

Хорошагора взял гаечный ключ, наклонился над станком и принялся чем-то гремять в механическом полумраке.

— А у тебя тут работают хорошие мастера,— добавил Вильям.— Все букровки такие ровные и красивые...

Он чувствовал себя немного виноватым: ну зачем он сказал об ошибке? Скорее всего, ее никто не заметил бы. Жители Анк-Морпорка считали орфографию совершенно необязательной. Правила орфографии они соблюдали так же, как правила пунктуации. Какая разница, как располагаются эти закорючки, главное — чтобы они были.

Гном закончил свою загадочную деятельность, провел смоченной чернилами подушечкой по чему-то внутри машины и выпрямился.

— Впрочем, «е» или «и»...— *Бух!* — ...собственно, без разницы,— сказал Вильям.

Хорошагора открыл машину и без слов передал Вильяму лист бумаги.

Вильям прочел текст.

Буква «е» была на месте.

— Но как?..— пораженно произнес он.

— Это такой почти волшебный способ быстро размножать написанное,— пояснил Хорошагора.

Рядом с ним вдруг возник гном с металлическим прямоугольником, который был заполнен написанными наоборот железными буквами. Хорошагора взял прямоугольник в руки и широко улыбнулся Вильяму.

— Не хочешь внести изменения, прежде чем мы начнем? — спросил он.— Только скажи. Пары дюжин отпечатков будет достаточно?

— О боги,— вымолвил Вильям.— Это же... отпечатная машина...

Таверна под названием «Ведро» никогда не могла похвастаться избытком посетителей. Тусклая улица была если не мертвой, то серьезно раненной в смысле деловой активности. Лишь немногие предприятия выходили на улицу фасадами, и большей частью она состояла из заборов и складских ворот. Никто уже и не помнил, почему эта улица называлась Тусклой. Хотя ничего блестящего тут отродясь не было.

Кроме того, решению назвать таверну «Ведром» вряд ли суждено было попасть в список Самых Удачных Маркетинговых Решений За Всю Историю. Владел «Ведром» господин Сыр — худой, иссохший тип, который улыбался крайне редко, в основном лишь когда ему сообщали о каком-нибудь очередном жестоком убийстве. Традиционно он торговал себе в убыток, а чтобы компенсировать потери, обсчиты-

вал клиентов. Тем не менее таверну довольно быстро облюбовала Городская Стража и сделала ее своим неофициальным местом отдыха. Стражники предпочитали выпивать в местах, куда посторонние не заходят и где никто не может им напомнить, что на самом деле они блюстители порядка.

В каком-то смысле это было преимуществом. Даже лицензированные воры больше не пытались обнести «Ведро». Стражники очень не любят, когда им мешают выпивать. С другой стороны, господин Сыр никогда не видел, чтобы в одном месте собиралось столько мелких воришек сразу, пусть и одетых в мундиры Городской Стражи. За первый же месяц работы на стойке таверны побывало столько поддельных долларов и всякой необычной иностранной валюты, сколько господин Сыр не встречал за все годы своей работы трактирщиком. В общем, было от чего впасть в депрессию — если б не рассказы стражников. Некоторые описания убийств были весьма и весьма занятными.

Также господин Сыр зарабатывал на жизнь тем, что сдавал в аренду близлежащие крысятники, а именно старые сараи и подвалы домов, примыкающих к таверне. Эти помещения — периодически и на довольно-таки короткий срок — снимались полными энтузиазма предпринимателями, которые свято верили в то, что современный мир никак не может больше прожить без, допустим, надувных мишеней для игры в дротики.

В данный момент у входа в «Ведро» собралась небольшая толпа, которая читала объявление о «досиле не видимой» словопечатне. Хорошагора вывел Ви-

льяма на улицу и прибил к двери исправленный вариант.

— Еще раз извини,— сказал он.— Здорово мы тебя припечатали. Так что твое письмо — за счет заведения.

Домой Вильям пробирался боковыми улочками, чтобы случайно не наткнуться на господина Резника. Оказавшись у себя в камерке, он вложил отпечатанные листы в конверты и отнес их посыльным у Пупсторонних ворот. В этом месяце работа была исполнена на несколько дней раньше обычного.

Посыльные одарили его несколькими странными взглядами.

Снова вернувшись домой, Вильям первым делом подошел к зеркалу над раковиной. Большую часть лба занимал переливающийся всеми цветами радуги отпечаток буквы «Р».

Вильям наложил на лоб повязку.

Однако у него еще оставалось целых восемнадцать экземпляров отпечатанного гномами письма. И тут ему в голову пришла достаточно смелая мысль. Он отыскал в своей картотеке адреса восемнадцати самых влиятельных горожан, которые, возможно, могли бы себе позволить незначительные расходы, написал каждому краткую сопроводительную записку, предложив свои услуги за... Немножко подумав, он аккуратно вписал «5\$» и вложил оставшиеся отпечатки в конверты. Конечно, он всегда мог попросить господина Резника изготовить дополнительные копии, но это почему-то казалось *неправильным*. Одну такую доску старик-гравер вырезал целый день, и просить его отпечатать побольше писем было свое-

го рода неуважением к его труду. Но уважать какие-то куски железа и механизмы? Машины — это ж не живые люди.

С этого-то и начались все неприятности. Они просто не могли не начаться. И он честно предупредил об этом гномов, хотя они на удивление равнодушно отнеслись к его прогнозам.

Карета подъехала к большому городскому особняку. Дверца открылась. Дверца закрылась. В двери особняка постучались. Дверь открылась. Дверь закрылась. Карета уехала.

Тяжелые шторы в одной из комнат, располагавшейся на первом этаже, были плотно задернуты, и сквозь них на улицу пробивалось лишь тусклое свечение. Голоса, которые также проникали сквозь шторы, были едва слышны, но любой внимательный слушатель мог заметить, что вдруг шум разговора резко стих. Потом раздался стук упавшего на пол кресла, и внезапно несколько людей заорали во все горло:

- Это и в самом деле он!
- Над нами что, решили подшутить?!
- Будь я проклят!
- Да он такой же *он*, как и я!

Постепенно крики стихли. А потом раздался чей-то очень спокойный голос:

— Ну хорошо. Хорошо. Можете его увести, господа. Поместите его в подвал и обеспечьте ему максимальные удобства.

Послышались шаги. Дверь открылась и закрылась.

— Можно просто подменить...— раздраженно начал было кто-то.